

Моей малышке

Один-единственный зверь воет в лесу по ночам.

Анджела Картер

1

Когда нам было восемь лет, отец раскроил меня сверху донизу.

В лесу в дебрях Британской Колумбии стояла его мастерская, пыльная и воняющая кровью. Там сушились шкуры, и, пробираясь между ними, мы задевали их лбами. Я дрожала от каждого прикосновения, в то время как шедшая впереди меня Эгги, которая была гораздо смелее меня, дьявольски скалилась. Несколько летних сезонов я мучилась от любопытства, что же происходит в том сарае, однако сейчас мне внезапно отчаянно захотелось сбежать оттуда.

Отец поймал кролика. Хотя он и позволял нам рыскать вместе с ним за добычей по лесу, но раньше никогда не показывал, как забивают животных.

Эгги сгорала от нетерпения и в суете опрокинула бочку с рассолом, ненароком пнув ее с низким гулким стуком, который отразился и в моей ноге. Отец поднял глаза и вздохнул.

— Вы действительно хотите посмотреть?

Эгги кивнула.

— И вы готовы к этому?

Снова кивок.

Я видела пушистого кролика и разнообразные ножи. Жертва не шевелилась; она уже умерла.

— Тогда подойдите.

Мы встали с двух сторон от верстака, выставив вперед носы.

Вблизи были хорошо видны приятные оттенки кроличьей шкурки: красновато-коричневый, и темно-оранжевый, и теплый кремовый, и серый, и белый, и черный. Целая палитра цветов, созданная природой, как я полагала, для маскировки, чтобы предотвратить именно такую судьбу. Бедный кролик.

— Вы понимаете, почему я это делаю? — спросил нас отец.

Мы обе кивнули.

— Только для поддержания жизни, — сказала Эгги.

— А что это значит? Инти?

— Мы охотимся, исключительно чтобы прокормиться, и вносим свой вклад в экосистему, а еще выращиваем пищу, мы живем по возможности на самообеспечении, — ответила я.

— Правильно. Поэтому мы выражаем уважение этому созданию и благодарим его за то, что оно помогает нам выжить.

— Спасибо, — монотонно произнесли мы с Эгги.

Меня посетило чувство, что кролик на нашу благодарность плевать хотел. Я мысленно принесла ему печальные извинения. Но в животе, в самом низу, тем временем что-то трепетало. Мне захоте-

лось сбежать. Это были отцовские владения, шкуры, и ножи, и кровь, и он постоянно носил с собой особый запах, здесь всегда было его царство, и пускай бы так оно и оставалось; казалось, вот-вот откроется дверь в какое-то более мрачное пространство, более жестокое, взрослое, и я не знала, почему Эгги решила тут присутствовать, но если это так, если она решила, значит, и я никуда не уйду. Я следовала за сестрой повсюду.

— Прежде чем есть мясо, нужно снять шкуру. Я обработаю ее, чтобы можно было использовать или продать, а потом мы съедим все части тушки, чтобы...

— ...Ничего не пропало, — привычно закончили мы фразу.

— А почему это важно?

— Потому что пустая трата ресурсов наносит непоправимый вред планете, — хором сказали мы.

— Давай уже, папа, — капризно поторопила отца Эгги.

— Хорошо. Сначала разрезаем от горла до живота.

Кончик ножа вошел в шерсть, и я поняла, что совершила ошибку. Прежде чем я закрыла глаза, нож вскрыл мне горло и одним быстрым ловким движением разрезал грудную клетку.

Я рухнула на пол, распоротая и кровоточащая. Ощущения были такими реальными, что я не сомневалась — из меня течет кровь, и кричала, кричала, и отец теперь тоже кричал, и нож упал, и Эгги упала и крепко прижала меня к себе. Ее сердце билось вплотную с моим. Пальцы выстукивали ритм

на моем позвоночнике. И в ее щуплых руках я снова стала невредимой. Самой собой, без крови и даже без малейшей ранки.

Я всегда знала, что отличаюсь от других, но в тот день впервые поняла, что это опасная особенность. И в тот же день, когда я, шатаясь, вышла из сарая в долгие фиолетовые сумерки и взглянула на край леса, я увидела своего первого волка, а он увидел меня.

Теперь, в другой части света, стоит тяжелая темнота и их дыхание чувствуется повсюду. Запах изменился. Он по-прежнему теплый, землистый, но более мускусный — а это означает присутствие страха, а это означает, что один из них не спит. Самка.

Ее золотые глаза тускло светятся в темноте.

«Спокойно», — без слов говорю я ей.

Это Номер Шесть, волчица-мать, и она наблюдает за мной из металлической клетки. Шкура у нее бледная, как зимнее небо. Ее лапы до сих пор еще не касались стали. Будь моя воля, я бы забрала у нее этот безрадостный опыт. Интуиция подсказывает мне, что нужно попытаться утешить волчицу добрым словом или ласковым прикосновением, но больше всего ее пугает мое присутствие, а потому я оставляю зверя в покое.

Я осторожно пробираюсь мимо остальных клеток в заднюю часть фургона. Петли скользящих дверей скрежещут, выпуская меня. Сапоги с хрустом касаются земли. Жуткое место этот ночной

мир. Снежный ковер тянется к луне, сверкая для нее. Нагие деревья отлиты в серебре. Я выдыхаю в воздух облачка пара.

Стучу в окно кабины, чтобы разбудить остальных. Они поднимают головы, сонно моргая. Эван укутан в одеяло; я чувствую шеей его шершавый край.

— Шестая не спит, — говорю я, и они понимают, что это значит.

— Нас по головке не погладят, если узнают, — замечает Эван.

— Никто не узнает, — отмахиваюсь я.

— Энн взбесится, Инти.

— К черту Энн.

Ожидалось присутствие прессы, чиновников и глав ведомств, вооруженной охраны; ожидалось фанфары. Однако в действительности все обернулось иначе. Мы оказались связаны по рукам и ногам решениями, которые принимались в последнюю минуту; это повлекло за собой проволочку, путешествие затянулось, и теперь нашим подопечным угрожает смерть в результате переутомления. Наши враги заставят нас держать зверей в клетках, пока у волков не откажет сердце. Но я на это не поддамся. Итак, мы вчетвером — три биолога и один ветеринар — тайком при свете луны пробрались в лес со своим ценным грузом. Молча и незаметно. Без разрешения. Именно так и следовало действовать с самого начала.

Дальше для фургона дороги нет, а потому придется идти пешком. Первым делом мы достаем клетку с Номером Шесть, Нильс и я беремся сзади,

а спереди здоровяк Эван жилится один. Амелия, наш ветеринар и единственная среди нас местная жительница, останется здесь охранять другие два контейнера.

До загона чуть меньше километра, а снег глубокий. Шестая молчит, только часто дышит — она в панике.

Кричит гагара, отчетливо и чудесно.

Не вспугнет ли волчицу этот одинокий крик в ночи, такой же древний зов, как ее собственный вой? Но понятным для меня способом она своих чувств не выражает.

До загона мы добираемся, кажется, целую вечность, и вот наконец впереди маячит ограждение из сетки-рабицы. Мы ставим клетку с Шестой за ворота и направляемся за двумя другими животными. Мне не нравится, что приходится оставлять ее без присмотра, но о местонахождении загона в лесу мало кто знает.

Следующим мы несем самца Номер Девять. Он очень крупный, а потому второй заход труднее, чем первый, но слава богу, что зверь хотя бы не просыпается. Третий волк — годовалая самка, Номер Тринадцать, дочь Шестой. Она легче, чем два других животных, и в это последнее путешествие мы берем с собой Амелию. Когда мы приносим Тринадцатую в загон, уже начинает светать, и, хотя все мое тело ноет от утомления, я чувствую и душевный подъем, и волнение. Самка Номер Шесть и самец Номер Девять никогда не встречались. Они из разных стай. Однако мы селим их в одном загоне в надежде, что они понравятся друг другу. Чтобы

наши намерения осуществились, нам нужна размножающаяся пара.

Правда, вероятность того, что они загрызут друг друга, ничуть не меньше.

Мы открываем клетки и выходим из загона.

Шестая, пробудившаяся раньше времени, не шевелится, пока мы не отходим на приличное расстояние, чтобы понаблюдать за волками издалека. Волчице не нравится наш запах. Вскоре мы видим, как ее пружинистая фигура поднимается и мягко ступает на землю. Белая шкура поблескивает и почти сливается со снегом, по которому волчица передвигается необычайно легко. Проходит несколько мгновений, она поднимает морду и нюхает воздух, вероятно учуяв кожаный радиоошейник, и потом, вместо того чтобы изучать новое место, быстро подскакивает к клетке, где лежит ее дочь, и ложится рядом.

От этого в душе у меня всколыхнулось теплое и хрупкое чувство, которого я стала бояться. Оно предупреждает об опасности.

— Давайте назовем ее Пепел, — говорит Эван.

Рассвет золотит предутренние серые сумерки, и когда встает солнце, два других животных начинают шевелиться, просыпаясь от искусственного сна. Все три волка выходят из клеток на участок искрящегося леса размером в полгектара. Пока у них будет только это тесное пространство. А мне бы хотелось, чтобы забора не было вовсе.

Направляясь к фургону, я говорю:

— Никаких имен. Она Номер Шесть.